“Социальное” (“социальность”) как базовая категория социологии // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Збірник наукових праць. — Харків, 2001
*****
(URL: http://www.sociology.kharkov.ua/docs/chten_01/popova.doc).

Категория “социальное” не относится к числу специфически социологических категорий. Ее анализ возможен в философском и психологическом аспектах, в рамках широкого эволюционно – биологического подхода. Разумеется, выяснение содержания данного понятия имеет особое значение для социальных наук вообще и для социологии, в частности. Однако интерес к “социальности” выражается в многообразных ее истолкованиях и стимулирует представителей самых различных областей знания обращаться к анализу данной категории [1].

Значительное место в системе социологического знания отводится “социальному” и в постсоветской социологии. Категорию “социальное” относят к “исходному” понятию социологии [2, с.24], к “предельному” понятию, определяющему исследовательский горизонт социолога [3, с.5] . Используется также термин “образ социального”, который, по мнению А.Филиппова, занимает важное место в теоретической социологии. Благодаря данному образу мы, с одной стороны, воспринимаем нечто как событие, с другой – можем описать его в понятиях. “Социолог – теоретик, – пишет А.Филиппов, – даже работая с самыми абстрактными понятиями, более или менее явно апеллирует к определенным образам социальности. В его понятиях схватываются не конкретные эпизоды опыта, но *образы переживаемых событий социального.*” [4, с.24]

Ю. Волков, считает “социальное” самым первым термином, “ который требует разъяснения при систематизированном изложении социологической теории...” [2, с.24] Однако термин этот, по мнению Ю. Волкова, не относится к научным понятиям, а выступает в качестве определения, прилагаемого к основной составляющей различных понятий: “социальная система”, “социальная политика” и др. Имеется в виду, что

существуют некоторые признаки “социальности”, добавление которых сужает понятие (система вообще – социальная система и. т.д.). Соответственно, не снимается вопрос о том, чем же является сама “социальность”, т.е. какие признаки мыслятся в данном понятии.

“Социальность”, как пишет далее Ю. Волков, “представляет собой имплицитную характеристику “совместности” человеческой жизнедеятельности, непосредственное выражение этой совместности” [2, с.24]. При этом подчеркивается, что социальность является выражением не всей и всякой человеческой жизнедеятельности, а именно тех ее проявлений, “в которых образуются взаимосвязь и взаимозависимость между людьми”[2, с.24]. Именно совместная деятельность и есть та самая реальность, которую мы именуем “социальной”. Но, как свидетельствует не столь уж долгий путь развития социологии, сама эта совместность, а, следовательно, и “социальная реальность”, которая находится в поле зрения социолога, понимается по-разному. И каждый раз это зависит от избираемой методологической стратегии, концептуальной схемы, обусловленной не только методологической, но и онтологической позицией социолога.

_____

* Ранее (до 10:00 22.04.2011) **ошибочно** указывался в качестве издания, в котором была опубликована данная статья "Вестник Харьковского государственного университета. — 2000. —№ 492".

Если оставить без внимания ту трактовку “социальной реальности” (и “совместности”), которая определена различением (либо даже противопоставлением) “деятельностного” и “структурного” понимания общественной жизни, то наиболее значимой для толкования “социального” является оппозиция двух подходов [1] , которые условно можно назвать *с убъективно-ценностным, символическим и объективно-предметным, вещественным.* Первый, как известно, характерен для так называемой “понимающей” социологии, второй – для общей социологической теории К.Маркса и его последователей, определенным образом, соответственно, специфизирующих “социальные отношения”, “социальную структуру” “социальную сферу” жизнедеятельности общества.

В “понимающей” социологии, корни которой уходят к творчеству классиков социологии и, в значительной степени, к работам М.Вебера, “совместность” означала взаимодействие смыслов. “Социальным”, – пишет М.Вебер, – мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслом соотносится с действиями
других
людей и ориентируется на него” [6, с.603]. (Подчеркнуто мной – И.П.) Выясняя, что имеется в виду под словом “смысл”, М.Вебер указывает на два его (слова) значения: а) смысл, субъективно предполагаемый действующим лицом в данной исторической ситуации или приближенный, средний смысл, субъективно предполагаемый действующими лицами в определенном числе ситуаций и б) теоретически конструированный чистый тип смысла, субъективно предполагаемый гипотетически действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации [6, с.603].

Признавая значимость так называемых “реактивных”, неосмысленных действий, а также условность границы между реактивным и осмысленным поведением, М.Вебер считает что социология имеет дело преимущественно со вторым. Соответственно, *социальным* действием является не всякое действие, но лишь то, которое
по своему смыслу
ориентировано на поведение других. Социальное “отношение” – это поведение нескольких людей, соотнесенное по своему смыслу друг с другом и ориентирующееся на это соотнесение. Иллюстрируя специфику
социального
и указывая на то, что внешнее действие, ориентированное на
вещные
объекты не носит социальный характер, М.Вебер приводит известный пример поведения людей в дождливую погоду: люди, открывая зонты, совершают однотипные действия под давлением внешних обстоятельств, а не потому, что они ориентированы на поведение других людей, руководствующихся определенными мотивами. Такого рода действия, по мнению М.Вебера не являются социальными [5, с.626].

С позиций объективно-предметной трактовки социальности действия людей (в частности, использование зонтиков) социальны не в силу того, что люди ориентируются на мотивы других лиц, а потому, что характеризуют исторически -конкретные способы поведения в определенных ситуациях, обусловленные возможностями общественного производства соответствующего уровня (на разных этапах его развития по-разному укрывались от дождя). Социальность указанных действий состоит также в том, что они свидетельствуют о разных позицияхвзаимодействующих людей, которые имеют вещи (к примеру зонты) разного качества, а некоторые не имеют их вообще и.т.д. Т.е. вещь (в данном случае зонт) характеризует *определенное* взаимодействие (“совместность”) людей в обществе: именно то, которое обусловлено разными возможностями людей и групп (живущих в разные эпохи либо занимающих различные позиции в обществе)

присваивать те или иные материальные условия жизнедеятельности.

Присвоение предметно-вещественных, материальных условий и средств жизнедеятельности необходимо *для воспроизводства человека как общественного существа* , для удовлетворения многообразных человеческих потребностей, включая потребности духовные (например, для удовлетворения музыкальных потребностей нужны соответствующие инструменты либо доступ к источникам музыки, для удовлетворения читательских интересов нужны библиотеки, доступность книжного фонда и.т.д.). Набор этих условий и средств носит конкретно-исторический характер, он специфичен для определенных исторических эпох и различных общественных групп. В соответствии с таким пониманием социального (условно назовем его “объективно-предметным”)
социальность означает совместный характер деятельности людей, различных групп, а также личности и общества, обусловливающей удовлетворение многообразных потребностей и интересов посредством присвоения предметно-вещественных, материальных условий жизнедеятельности и существования, обеспечивающей воспроизводство, формирование человека как общественного существа, как члена определенного, конкретно-исторически сложившегося общества.

Соответственно, *социальная сфера* – это сфера поддержания жизни и удовлетворения многообразных человеческих потребностей посредством присвоения материальных условий жизнедеятельности, а *социальные отношения* – это отношения (связь, взаимодействие) между людьми (группами, личностью и обществом), которые складываются в связи с различными реальными возможностями присвоения (потребления) материальных, предметно-вещественных условий и средств жизнедеятельности. К последним относятся не только средства производства, но и многообразные материальные блага (включая качество природной и производственной среды, материальные средства удовлетворения духовных потребностей, содержание трудовой деятельности и др.) и разнообразные услуги.

Социальные отношения неразрывно связаны с экономическими, поэтому часто их объединяют и именуют “социально-экономическими”. Действительно, и те, и другие включают процессы производства, распределения, обмена и потребления. Однако характеризуют они (отношения) разные стороны этих процессов: первые (социальные) – их обращенность к человеку (как воздействуют на воспроизводство различных человеческих качеств, что в результате достается на долю представителей различных групп), вторые (экономические) – обусловленность данными процессами вещественных результатов человеческой деятельности (как влияют на производительность,

оптимальность деятельности и др.). Взаимоотношение этих двух сторон (экономической и социальной) вышеуказанных процессов является сложной и зачастую весьма противоречивой, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из истории общества.

Целесообразно обратить внимание также на следующие особенности объективно-предметной трактовки социального:

- совместность и взаимодействие людей в социальной сфере (так же, как и в экономической) осуществляется как бы *за пределами и независимо* от смыслового взаимодейсвия и носит объективный (по отношению к субъективному смыслу, который придают совместной деятельности ее участники) характер;

- именно социальные, а не экономические отношения играют роль своеобразного “центрального” звена в общественной системе, опосредствуя воздействие экономики на все другие сферы общественной жизни, обусловленные содержаниемидей, типичных для той или иной культуры смыслов.

Первое обстоятельство свидетельствует о том, что, хотя любая деятельность человека носит субъективно-объективный характер и люди взаимодействуют преимущественно со “сделанными” предметами, неправомерно абсолютизировать значение символической деятельности, взаимодействия с объектами, как с “текстами” [2] . Люди взаимодействуют не только с “естественными”, но и со “сделанными”, “ *рукотворными* ” вещами (и друг с другом по поводу этих вещей) и как с “нетекстами”, руководствуясь объективно-присущими (хотя и порожденными оосмысленной человеческой деятельностью) свойствами данных вещей.

Второе обстоятельство, учитываемое при вышеуказанной трактовке “социальности”, свидетельствует о следующем: необходимо признать некорректность обвинения К.Маркса в “вульгарном экономизме”, истоком которого (обвинения) является недооценка роли категории “социальное” в марксистской концепции. Напомню в связи с этим известное высказывание К.Маркса из “Предисловия к критике политической экономии”: “Способ производства материальной жизни “обусловливает социальные, политические и духовный процессы жизни вообще”. Социальное является как бы призмой, через которую осуществляется (и “преломляется”) воздействие экономики на все другие, “внеэкономические”, сферы деятельности. Оно и есть то центральное

звено, тот “узел”, посредством которого многообразные общественные отношения увязываются в единое целое и который в конечном счете определяет цельность и относительную стабильность общественной системы.

Нарушение равновесия общественной системы в целом и тех сфер деятельности, содержание которых определяется идеями-ценностями, прнятыми в обществе смыслами, обусловливается прежде всего изменениями в социальном, трактуемом в рамках объективно-предметной деятельностной методологии. Но именно понимание социального в вышеуказанном смысле дает возможность объяснить динамизм общественных прцессов, установить источник происходящих изменений. Не случайно данное понимание социального сочетается с диалектическим подходом к обществу в отличие от структурно-функционального, акцентирующего внимание на стабильности и равновесии и настаивающем на ценностно-смысловой природе социального.

В этой связи небезинтересно также обратить внимание на весьма распространенное в социологической литературе выражение “социальное **и** культурное”. Оно, как мне кажется, означает не только признание связи того и другого, но и необходимости их разграничения. И основание такого разграничения может быть только одно -нетекст/текст: с одной стороны, предметно-вещественная деятельность, непосредственно обусловленная свойствами вещей, с которыми взаимодействуют, и функциями, которые выполняются в процессе совместной деятельности; с другой – ценностно-нормативная, символическая деятельность, определяемая осмысленностью человеческих действий. Когда же речь идет о “социо-культурных” явлениях, то имеется в виду двойственный характер человеческой деятельности, характеристика зависимости человеческого взаимодействия одновременно как от объективно-предметных, вещественных факторов, так и субъективно- ценностных, символических [3]
.

В связи с анализом категории “социальное” небезинтересно остановиться на том, что понимается под “социальной историей”. Характеризуя последнюю как особое направление в историческрй науке и считая, что “социальная историясегодня в моде”, Эрик Дж. Хобсбоум указывает на различное словоупотребление данного термина (“социальная история”). Обращая внимание на разные традиции его употребления, Хобсбоум считает, что наиболее распространенным является то его значение, которое используется в совокупности с термином “экономическая история” [9, с.291]. Тем не менее подчеркивается специфика “социального” в сравнении с “экономическим”, в соответствии с которой (спецификой) предмет “социальной истории” невозможно изолировать от предмета любой другой истории. Тогда как для экономической истории такая изоляция возможна. Интересно то, что утверждение такого понимания

социального связывается Хобсбоумом с развитием “социологии как самостоятельной области знания” [9, с.293]. Социальные аспекты человеческого бытия, по его мнению, не могут быть отделены от других его аспектов. “Их нельзя даже на мгновение отделить от способов, с помощью которых человек получает средства к существованию из своего материального окружения. Точно также эти аспекты нельзя отделить и от его идей, ибо отношения людей друг к другу выражаются и фиксируются в языке, который органически связан с понятиями… Историк идей может и не обращать внимание на экономику, а историк экономики – на Шекспира. Но социальный историк, который выпустил бы из поля своего зрения то или иное, продвинулся бы не слишком далеко” [9, с.296]. Как видим, социальное понимается здесь опять -таки как некоторый, фигурально выражаясь, “узел”, в который “увязаны” многообразные общественные явления. Соответственно “развязывание” данного узла (характеристика социального) обеспечивает “доступ” к многообразным общественным явлениям.

Понимание природы социального непосредственно связано с характером социологического объяснения. Если социальное – “предельное понятие, определяющее исследовательский горизонт социолога” (Давыдов Ю.Н.), то обращение к социальному как раз есть тот “глубинный” уровень социологического объяснения, который достигается при социологическом исследовании. В теоретической социологической литературе используется термин “полюса объяснения”. Как считает, например, Гёран Тернборн, все многообразие социологического объяснения располагается между двух полюсов: объяснение посредством обращения к *ценностям и нормам действия* и объяснение через анализ
условий действия.
Ссылаясь на Р.Мертона и П.Штомпку и считая, что речь в последнем случае идет о “структуре возможностей”, Тернборн пишет следующее: “Впоследствии, когда марксистский классовый анализ получил социологическое “гражданство” и была радикально переосмыслена веберовская концепция власти, этот тип социологического объяснения занял достойное место” [10, с.82].

Используя понятие “социальное” в том либо ином смысле, соотносимом с определенным методологическим подходом, небезынтересно обратить внимание на следующее: при обсуждении и решении тех или иных проблем: “социальной политики”, “социального благосостояния”, “ социальной защиты” и, наконец, “социального государства”; речь всегда идет о материальных условиях человеческой жизнедеятельности (независимо от того, какие методологические и теоретические традиции преобладают в социологическом пространстве страны). Так, канадские исследователи, разъясняя основные положения политики социального благосостояния (social welfare), понимают последнее как “вещи, услуги и ресурсы, позволяющие гражданам развивать их индивидуальные возможности, не нарушая права других” [11, с.3]. Аналогичным образом трактуется “социальное государство”. Хотя политику “социального государства” отличают от политики “социального благосостояния” [4] , и в том, и другом случае

понимается создание необходимыхусловий жизнедеятельности, “реальных возможностей” для реализации человеческой сущности.

В настоящее время в большей степени склоняются к “социальному государству”. В конституционной практике европейских стран впервые оно было провозглашено в Основном законе ФРГ 23 мая 1949 года. К настоящему времени положение о социальной государственности содержится также в конституционных актах Франции, Испании, Турции и в таких постсоветских странах, как Украина, Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан и др. В статье 1 Конституции Украины говорится: “Украина есть суверенное и независимое, демократическое, социальное, правовое государство”. Однако разъяснений по поводу “социальности” (как впрочем и относительно других данных здесь характеристик) в Конституции не содержится. В Конституции же российской Федерации в статье 7 пишется следующее: “Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека”. Трактовка конституционных положений, в свою очередь, должна определять содержание законодательных актов и, в конечном счете, реализовываться в нашей практике, сказываться в различных проявлениях нашей повседневной жизни, определять оценку гражданами проводимой государством политики.

Как видим, споры о “социальном”, о преимуществе того или иного толкования данного понятия, оборачиваются вполне конкретными вещами, обусловливающими наше отношение к происходящему, наши представления об ответственности государства перед гражданами. Поэтому установить свое отношение к тому, что есть “социальное” и, соответственно, как следует подходить к отбору показателей “социальности” политики и государства – важная задача, характеризующая как научную, так и гражданскую позицию социолога.

ЛИТЕРАТУРА:

1. The Mark of the Social: Discovery or Invention? Edited by John D. Greenwood. Lanham, Md.: and Littlefield Publishers, 1997. -P. 279.

2. Волков Ю. Е. Базисные понятия и логика социологической парадигмы. //Социологические исследования. -1997.- № 1. -С.22 -33.

3. Давыдов Ю.Н. Введение. Теоретическая социология и ее история. //Очерки по истории теоретической социологии XIX -нач. XX. -М.: Наука, 1994. -С.5 -21.

4. Филиппов Александр. Теоретическая социология. //Теория общества. Фундаментальные проблемы. Под ред. А.Ф. Филиппова. -М.- Канон-Пресс- 2, Кучково поле. -1999.- С. 9 -34. 5. 5. Арчер Маргарет. Реализм и морфогенез. // Теория общества. -М.:Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 1999. – С. 157-195.

6. Вебер М. Основные социологические понятия. // М.Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1999. – С.602 – 643.

7. Тарасенко В.И. Социология потребления: методологические проблемы. – Киев:. Наукова думка, 1993. -С. 165

8. Попова И.М. Поовседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. – Киев, 2000. – С. 217.

9. Хобсбоум Эрик Дж. От социальной истории к истории общества. //Философия и методология истории. – М.: Прогресс, 1977. – С.333.

10. Тёрнборн Геран. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие. // Теория общества. -М.:Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 1999. – С. 73 – 102.

11. Turner Francis J. Social Welfare in Canada. //Canadian Social Welfare/ General Editors: Joanne C. Turner, Francis J. Turner. – Collier Macmillan. Canada, Inc. 1981.

12. Гутник В. П. Социальное государство: тупик или возможность обновлениря? //Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. – М.: Дело, 1998. – С.375.

---

[1] 1 Дебаты на этот счет ведутся практически постоянно, вовлекая в острые споры представителей различных школ и направлений, включая разные аргументы и толкованияпредставления (См., например, 5).

[2] Как известно, эта абсолютизация особенно характерна для постмодернистской социологии и наиболее определенно выражена в высказывании Ж.Дериды о том, что в мире нет ничего, кроме текстов.

[3] Подробнее о двойственности человеческого опыта см. [8, 54-75].

[4] 4 Во втором случае в большей степени упор делается на активность граждан. Речь идет скорее о создании реальных условий для “самообеспечениz”, чем о перераспределении доходов и условий деятельности [12, 14-15].